

Рабимая

Часть 1

6+

Искандар Хамракулов

Искандар Хамракулов

Рабимая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хамракулов И.

Рабимая / И. Хамракулов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Поэма «Рабимая» повествует о жизни героя, попавшего в непростую жизненную ситуацию. В первых главах мы знакомимся с персонажами, которые должны помочь автору растолковать мистический сон, перевернувший всю жизнь главного героя. Далее описывается таинственный сон. В последней главе герои обсуждают детали и пытаются растолковать знаки. В этой поэме вы найдете все: любовь, дружбу, приключения, стойкость характера, храбрость и находчивость.

Содержание

Эпиграф	5
Введение	6
Знакомство	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эпиграф

Фортуна – мать счастья, кузнецам на потеху
Открыла секрет поковки успеха:

«Если форма по нраву, а суть по плечу,
Куй железо, пока горячо!»

Секрет счастья увидеть, кузнецы пришли сами,
В храм богини явились с седыми усами;

Дары возложили у шара алтаря
И с надеждой застыли, Фортуны моля...

Храм озарился картиной чудной –
Человека металл увлекал за собой:

«Железо кузнеца, увлекаая, шлифует,
А тот, очищаясь, от сиянья ликует!»

Введение

– Судьбе было угодно, почётные гости,
Нам с нею сыграть в игральные кости.
На кон она ставит не много, не мало,
Престиж мастеров, Известность и Славу.
Досуг по игре, отнюдь не слабей,
На досуге справляем мой юбилей.

Я вызов принял. Деве как скажешь «нет»?
Полагаясь на вас, согласился в ответ.

Со вчерашнего дня, как вы прилетели,
Как бубны и горны в вашу честь прогремели,
Хлеб-соль ритуала сменил малый пир,
Радость заполнила душу и мир,
Радость свиданья с людьми человека,
С кем шёл он по свету три четверти века.
От детских забав до сегодняшних дней
Радость слетелась на мой юбилей.

До недавнего времени, признаюсь, как есть,
Не ждал от небес столь высокую честь.
Мечтать не мечтал о нынешней встрече,
Быть может, и вправду успеха предтечи.
О чём говорить, если хум опустел,
В нём эхо гудело: «Ты не у дел».
Осадок вина чуть светился на дне, –
Матовый отблеск на тусклом окне.
Вина оставалось лишь на думы о вечном,
О канувшем времени в Лете быстротечной.
С каплей последней я б умчался в миры,
Судьба отвела от Чёрной дыры.
Лицом повернулась, и с усмешкой сказала:
«На самом краю должника я застала.
Шанс давала тебе. До чего ж ты ленив,
Хуже древа плакучего семейства ив.
Закончишь свой труд – лебединую песню,
Громкую, ёмкую, чтоб словам было тесно,
А мыслям – лихо, как на ветру
Ивовым космам, – тебе всё по перу,
То точку последнюю в ней поставишь с друзьями,
Станет точка победной, назову вас ферзями.
Их будет двенадцать! Кто? – выберешь сам,
Повинуясь душе и ума словесам.
Письмена разошлешь
с приглашением на праздник.

Съедутся все, хотя будет отказник.
Последней из них прилетит и она,
Среди вас, аксакалов, дама будет одна.
К приезду гостей подготовишь два зала,
С янтарным подсветом, фонарями из лала.
Один – для работы, другой – для торжеств.
Залы зачтутся как добрый твой жест.
Придётся побегать, похлопотать,
И, чтоб в запарке на меня не роптать,
Напиток прими от зелёной лозы,
В нём сила и лёгкость стрекозы-егозы». –
Плеснула в мой хум сок виноградный...
Сразу стало тепло и душевно отрадней.
Я забурлил, как в юные годы,
Настроение – гвоздь, отступили невзгоды.

Труд быстро закончил. Он почти был готов,
В нём не хватало эпиграфа слов.
Их, дописав, приступил к приглашеньям,
Вензель за вензелем в ручном исполнении:

«Спешите на юг, на свидание, старцы!
Жду с нетерпеньем, любезные братцы».

...

Пока приглашения до вас долетали,
Пока суть да дело утрясали детали,
Рукава засучив, подготовил два зала
По уговору, какому Судьба наказала:
Один – для работы, другой – для торжеств,
С цветною подсветкой и количеством мест.
В гостинином – вы были, сейчас мы – в рабочем.
Он чуть поменьше, но, между прочим,
Собой представляет стеклянный колпак, –
Таджикский убор: кал – голова, а чистая – пак,
На добрую мысль его древний девиз,
С тем я исполнил Девы каприз.
Видите, сами, в нём светло и прохладно,
Интерьер с обстановкой сочетаются ладно:
Пол цвета моря из синей слюды,
Словно под ноги налили воды,
Закольцованный стол в виде стёртой подковы,
Стол сей с сюрпризом, к нему будьте готовы!
Посредине стола каллы, цветы,
Они для уюта и живой красоты.
Дюжина кресел...
У цифры двенадцать много примет,
Но главной из них остаётся Совет.
В зёве подковы стоит кресло Судьбы,
Оно и трибуна, и страж от беды.

Первым пока в него сяду я,
Кто слово возьмёт, – поменяю коня.
Возникнут вопросы, – решаем немедля,
Жёлтые листья в тягость для стебля.

Знакомство

Почтенные гости,
наступает момент, познакомится ближе.
Перейдём здесь на шаг, последуем тише:
Кто приехал, откуда, из каких он земель?
Не течёт ли корабль, не тревожит ли мель?
Среди нас, к сожаленью, не все знают друг друга,
Вот и откроемся каждый по порядку, по кругу.
И начнёт круг Мардон, – друг мой раннего детства,
Дома наших дедов стоят по соседству.
Смелее, Мардон, к столу подступай,
Расскажи про Сайкал, детства нашего рай.

– Саша, я б добавил, – «зелёный рай детства!»
Цвет и запах травы – божьей милости средства.
Те пшеничные нивы, виноградники, рощи,
Где играли детьми, исчезли, – нет больше.
Самарканд растолстел, он достигнул Даргама,
Где не жил человек с сотворенья Адама.
Но его ты узнаешь... Ведь остались дороги,
Твердь которых крепила наши босые ноги.
В небе по-прежнему купол Эмира –
Бренности перст суетливому миру.
Однако, представлюсь вам, мастера,
Я вижу, – в большинстве вы люди пера...
Очень приятна мне ваша компания,
Хотя к стихотворству не имею призвания.
Интерес мой иной, я Мардон-фабрикант,
Ширпотреб штамповал на весь Самарканд.
А теперь, на закате, на старости лет,
Дома кур фабрикую землякам на обед.
Хозяйствую прибыльно, имею достаток,
В трудах провожу дней последних остаток.

Саша, мы люди свои, дозволю место у двери,
Мастеров попроси, чтоб повыше сидели.

.
– Мардон, друг любезный, не суетись.
Душе, где угодно, там и садись.
В зале дверь не одна, а целых три:
Две – в сад и бассейн, иди, посмотри.
Они, как положено, дополнительный вход,
Пока проверяешь, слово скажет Фарход.
...Да, будешь в саду, срежь несколько роз...
Для дамы... Из лучших...
Иначе нас ожидает курьёз.
Друзья, с Фарходом нас роднят образ мышления,

Порывы души, идеалы, стремления.
Экзамены юности на самопознание
Он сдал раньше намного; угадал и с призванием,
Аграрием стал, совершенствуясь в том,
Признанья достиг, как Муаллим-Агроном,
Хлебосол по натуре, философствует здраво,
Фонтаны идей льёт налево-направо...

– ... Не усердствуй, Саша! Хвалебные речи
Каменный груз на свободные плечи.
Еще я не понял, в сомнениях весь,
Какая нам роль уготовлена здесь,
Ты рассыпаешь вокруг меня дифирамбы,
Будто цветы служителю рампы.
Пока я усвоил, что в сборной команде
Три старых друга из Самарканда.
По этой причине есть предложение,
За статус команды принять положение
«Друг моего друга – он и мой друг».
Афоризм философский усилит наш круг.
Математики истинам подчиняются нравы,
Те, кто следуют им, как правило, нравы.
Предлагаю, – обращения доктор, устод, господин
На время забыть. Им место в средах, где ты один.
В сплочённой по духу команде друзей,
Отношения должны быть как у людей,
Вместе идущих на результаты
Без громких фраз и времени траты.
Короче, для общей пользы и простоты
Предлагаю в кругу обращение на «ты»;
Второе, – как за столом в согласии сесть.
Затрудненью Мардона решение есть.
Подсказка сам стол, он удобный вполне,
Настрой придаёт рабочей волне.
Очень похожий на часов циферблат,
Он символ порядка, стало быть, брат,
Коль мы с тобою из раннего детства,
А дома наших предков стоят по соседству,
Мы у команды разрешенья попросим
Сесть нам с Мардоном на цифрах «семь», «восемь».

– Садись, куда хочешь, Фарход-аксакал,
Ты, как всегда, меня обскакал.
Сравнение с часами наглядный пример,
Как конь твоей мысли легко взял барьер.
Математики истины – они ж аксиомы –
Мне, круглому двоечнику, тоже знакомы.
Согласен и с «ты», но как быть остальным?
Предложение – твое, но решать его – им.

К тому ж, наш Совет не команда, не монолит,
Разногласия споров в нём таят динамит.
Обращаюсь ко всем, избегайте заносов,
Далее о себе скажет Коля Морозов.
Мы с ним служили в Казахстане,
На космической точке в Тюра-Таме.
Род наших войск назывался Стройбат,
А в нём, подневольном, чёрт то же, что брат.
Солдат не солдат, – военный строитель,
«Кирка и лопата», землекопный воитель.
Возводили объекты единой цепи:
МИК, Космодром, поселенье в степи.
Байконур, вам известный – маскировка, подлог.
Приоткрыть эту истину очевидца мой долг.
Много тысяч «солдат» нас работало там,
Байконур – барабан, его дробь – Тюра-Там.
Пятьдесят лет с довеском пролетело с тех пор,
Иногда ощущаю сослуживцев укор:
«Почему ты молчишь? Рассекреть наши души!
Были мы или нет? – интересно послушать».
Николай, приступай, используй момент,
Напоследок составим о том документ.

– Саша, прежде скажи, как меня ты нашёл?
Деды, представляете!.. Я – новосёл...
Еще нет улицы, без номера дом,
Со старухой и внуками расселяемся в нём,
И вдруг мне сюда доставляют конверт:
Приглашение на юг и лётный билет.
Куда, от кого? – на бумаге ни слова,
В смущении честь, взять конверт не готова.
Душа в колебании, её гложут сомнения:
«Быть может, – дальней родни приглашение?»
Честь возражает:
«Ошибка на почте, адрес не знали,
Фамилия, – Морозов, нам передали!»
Душа на своём:
«Розыгрыш это, почему бы и нет?»
Честь возмущенно:
«Но причём тут билет?!»
«Может, кто-то из близких приглашает на отдых!»
«Ага, на край света из чувств благородных!»
Приглашенье понять, подключилась семья,
Саша, твой ребус решал не один только я.
Шахматный чёрт, без сторон перевеса,
Вёл меня прямо к ненужному стрессу.
Когда честь с душою сцепились в клубок,
Голова закружилась, я занемог.
Прекратил препирания, переключился на дом,

Конверт с приглашением отложив на потом.
Лишь ночью, под утро, уже близился пат,
Душа, встрепенувшись, нашла адресат.
Ключом послужило обращение «старец»,
Коим ты на прощанье освятил меня, братец.
Благословение «старик!» на мой дембельный год,
Стрельнув, указало на правильный ход.
Сразу вспомнил казарму, ЖБК, полигон,
Где дённо и ночью «пахал» батальон;
Услышал симфонию моторов, кранов, –
От звона металла до «дизель» тонов;
Увидел и нас в Отделе Контроля,
Литаврам отводились в эпилоге роли.
При мне завершилось строительство МИКа,
Гиганта машинного в степи великой.
Ты говоришь «Байконур», «Тюра-Там»,
Я этим селеньям предпочтенья не дам:
Тюра-Там для меня лишь дембель и воля,
В Байконуре же не был, не вкушал его соли.
Мы служили в степи на квадратах, «Площадках»,
Наша – 119... На ладони моей есть её складка.
Площадку «Один» представлял Космодром,
Кто тут главный в округе – утверждал его гром.
Гром победный, рокоча, катил по планете,
Возвращаясь сюда в виде сводок в газете.
По мне, «Площадка Один» и есть Пуп Земли,
С него в ближний космос пошли корабли.
Не с Байконура, а с «Первой» «поехала» слава.
Я кирпичик ее. У меня на ладони алиби право!
А теперь расскажи, как меня ты нашёл?
Уверен, твой детектив моего превзошёл.

– Увы, детектива, к сожалению, нет.
Коля, тебя по заявке нашёл Интернет.
Небесная сеть, зачерпнув, без труда,
Как рыбку, подняла из мирского пруда.
Космос – око и связь, вездесущий повсюду,
В миру помогает сблизится люду.
За Площадку хвалю. Безупречный твой довод
Сможет со временем дать картографам повод
Переименовать её, как пункт населенный,
К примеру, в «Дром Первый» в просторы Вселенной.
Дром – редкое слово, по значению порт,
Оно в сочетаньях «аэродром», «аэропорт».
Словом, старик, я рад, что ты с нами,
Толковыми радуй нас и дальше речами.
Сядь рядом с Фарходом и компьютер включи,
Похоже, новосёлы твои пекут калачи.

Друзья, кресло «десятое» оставим для дамы,
Уважим её. Скоро она предстанет пред нами.

Кресло «одиннадцать» по стрелке вверх –
Гостю монгольскому. Выходи на свет, Энх.
Знаю, ты любитель держаться в тени,
Сейчас не тот случай, меня извини...
Идёт представление через званья, заслуги,
Круг хочет знать, какие они у монгольского друга?
Я тебе помогу, и начну с самой ранней,
На мой взгляд, показательной, по мере крайней.
Друзья, гость перевёл «Тихий Дон» на – монгольский.
И хотя роман раньше звучал по-японски,
И на ста языках, в большинстве зарубежных,
Судьба звёздных книг такова неизбежно,
Заслуга Энха, тем не менее, весома,
Об этом говорила пресса Монголии дома,
Мол, российские степи на их степи похожи,
Что русские нравы с монгольскими схожи,
Что Энх не из робких, настоящий храбрец,
Перевёл чудо-книгу, стало быть, удалец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.